

1982 г.

АБРАМОВА НИНА МЕРКУРЬЕВНА

За выдающиеся заслуги в здравоохранении города Алапаевска удостоена звания «Почётный гражданин города Алапаевска» в 1982 году.

Нина Меркурьевна родилась в 1928 году. В 1950 году закончила Молотовский медицинский институт. В 1956 году приехала в Алапаевск и стала работать врачом-окулистом медико-санитарной части Алапаевского металлургического завода. А затем возглавила этот коллектив, став главным врачом.

Офтальмолог Нина Меркурьевна организовала глазное отделение и до конца своих дней (1986 год) руководила глазной службой города и района. За свой труд Абрамова Н.М. награждена орденом «Знак Почёта», медалью «Ветеран труда», «Отличник здравоохранения».

Покой ей только снится

С утра врач Нина Меркурьевна Абрамова вместе со своими коллегами из заводской поликлиники вела профосмотр в транспортном цехе Алапаевского металлургического завода. И была несказанно рада, что в числе трёхсот рабочих и служащих, осмотренных врачом, обнаружила женщину с больными глазами – ранняя стадия заболевания глаукомой.

- Представьте себе, она сама не знала, что больна, причём опасно. Глаукома – болезнь коварная, исподтишка подбирается. Думаю, что пока ничего опасного нет. Назначила приём, будем лечить амбулаторно.

С часу дня Нина Меркурьевна вела приём в поликлинике АМЗ.

- Вообще-то я считаюсь врачом центральной районной больницы. Но так уж сложилось, что мой кабинет для приёма больных находится в заводской поликлинике, а мои больные лечатся в заводском стационаре. С заводом у меня давние связи. Здесь я десять лет работала главным врачом, привыкла, люблю свой коллектив, рабочих и, понимаете, как-то не представляю, что вот возьму и оторвусь от них. Я бы тогда, наверное, многое потеряла. На заводе меня считают своим человеком, привлекают к своей работе, и я не отказываюсь, охотно помогаю родному для меня коллективу. А на приём ко мне идут все – и с завода, и из города, и из района приезжают. Стараюсь, по возможности, каждому уделить внимание.

Рассчитывал поудачнее выбрать время для встречи с врачом – пришёл к концу приёмного часа. Но у кабинета № 8 в ожидании вызова люди сидели

и даже стояли.

- Ты уж, пожалуйста, не заходи к Нине Меркурьевне, – узнав о цели прихода, просит мой хороший знакомый, – ты же её на верных полчаса оторвёшь. А тут вон сколько людей сидит, не по одному часу ждут приёма.

- И ты к ней?

- Глаза что-то болят, провериться надо.

- Разве в городской поликлинике не принимают?

- Как не принимают? Принимают. Но Нина Меркурьевна лучше. Так что не ходи, будь добр.

Я и сам видел, что не тот час выбрал. Пришлось воспользоваться помощью главврача В. Н. Лапшина. Через него Нина Меркурьевна назначила мне встречу.

- Ну что, договорился? – поинтересовался мой знакомый.

- Да. На завтра, в половине двенадцатого. Если не задержится на профосмотре. Так что полтора часа до приёма больных у врача будет свободное для беседы время.

Мой знакомый оказался смекалистым. Выпытал всё у меня и на другой день до моего прихода успел полностью завладеть вниманием врача. Знал, хитрец, что Нина Меркурьевна отдаст предпочтение больному, и воспользовался этим.

И на этот раз я просчитался. Не оказалось у Нины Меркурьевны тех полутора часов свободного времени, которые она обещала выделить из своего до предела загруженного дня. Не успел выложить цель своего посещения, как за врачом пришла спецмашина из Коптелово.

- Извините, что так получилось, – нужно ехать. Девочка там больная, надо осмотреть. Я обещала. Да и почему именно обо мне писать? Разве у нас мало хороших врачей? Возьмите терапевтов. Какую массу людей они лечат! А хирурги? Разве они не спасают людей от смерти?

- Но Вы даёте людям зрение, – вдруг вступила в разговор присутствующая в кабинете хирургическая медсестра Галина Максимовна Халемина.

- А зрение для человека – это, пожалуй, главное.

- Да, да, конечно, – согласилась Нина Меркурьевна. - Как же я вам могу помочь? Даже не знаю, когда буду свободной.

- Скажите, чтоб пришел в палату, – там вы лучше найдете время побеседовать, – вновь пришла мне на выручку Галина Максимовна.

- Пожалуй, верно. Приходите в сангородок, в первое хирургическое отделение. С трех до семи я там всегда нахожусь. Можете сегодня.

- Разве ваши больные не в заводском стационаре лечатся?

- В марте АМЗ закрыл стационар на капитальный ремонт, для глазных больных выделили десять коек в хирургическом отделении сангородка.

- А сколько коек было в стационаре?

- Двадцать пять.

... Удивительное дело – куда бы ни пришел, вначале встретишь больных глазами, а уж потом самого врача. Где Нина Меркурьевна, там и ожидающие ее больные и наоборот.

Еще в автобусе заметил, как пожилая женщина заботливо помогала старушке спуститься по подножке на землю.

- Она совсем не видит, – объясняла женщина.

Слепая старушка оказалась не единственной. В коридоре уже сидел старик в толстых выпуклых очках – тоже к Нине Меркурьевне.

- Жду. Должна подъехать, – сообщил он.

И действительно, вскоре на улице громко хлопнула дверца автомашины. Быстрой походкой вошла Нина Меркурьевна, остановилась, оглядела своих клиентов.

- Вы идите в санпропускник, оформляйтесь на койку, а вы (к старушке) проходите, переоденьтесь и поднимитесь наверх.

Место, где можно спокойно поговорить, в отделении нашлось. Узенький кабинет с гардеробом, топчаном и столиком – это и раздевалка, и комната отдыха для дежурных врачей, и место приема больных. Сидели за закрытыми дверями, которые довольно часто открывались. Несколько раз заходила палатная медсестра Татьяна Ивановна Барышникова. Двое больных поступили, а куда их поместить? Было одно свободное место, специально готовили. А заняли хирурги для своего больного.

- Ума не приложу – куда мне с ними? – говорила расстроенная Тамара Ивановна. - Некуда, Нина Меркурьевна.

- Не может быть. Поищи.

Уходила и снова приходила медсестра.

- Может, выписать кого? Их надо обязательно положить на койку, я обещала. Ну, придумай что-нибудь, Тамара. Одно место, кажется, нашлось, старушка устроена. А вот старик... Минут десять не было Нины Меркурьевны.

- Ну вот, теперь все, кажется, можно и поговорить.

Но уж очень часто заглядывала в кабинет женщина с завязанным глазом в цветастом больничном халате. Просунет голову в приоткрытую дверь, поглядит на нас и закроет.

- Какая нетерпеливая... Выписана, домой торопится.

- Так отпустите ее, – освобождаю Нину Меркурьевну.

- Теперь, наверное, все, – вернулась она вскоре, – теперь никто не должен помешать беседе... Только Вы уж, пожалуйста, не держите меня долго. Хорошо? - И сама кротко взглянула на часы на руке. - Минут десять достаточно? А то больные ждут меня.

Есть в ней много притягательного. Вот эта живость характера. Ее вечная занятость. Ее неумная энергия, позволяющая спрессовать время, быть везде и в первую очередь там, где нужнее. Ее работа, в которую она погружена всем своим существом, каждой клеткой мозга. Точно спешит наверстать упущенное.

А может, действительно, так оно и есть? Может, и в самом деле что-то не успела сделать в свое время и теперь приходится восполнять?

В детстве и когда уже подросла, сердце ее отзывалось болью на страдания больной матери. Терзала себя виной за те муки, что приходилось ей выносить, мучило бессилие перед слепой стихией рока. Но чем она могла помочь?

- Наверное, болезнь матери, ее муки и подтолкнули меня избрать профессию врача, чтобы облегчать страдания больным людям. Сестра недоучилась, ушла с третьего курса медицинского института. Нина, как ни было трудно, институт закончила. В этом проявила упорство. Теперь все помыслы – лечить больных. А вышло не так, как думалось. Чуть поработала, как выдвинули заведовать поликлиникой. А это – масса всевозможных хлопот и забот, хозяйственных дел, когда не можешь и часа выкроить на практику. Радовалась, когда мужа-металлурга переводили в Алапаевск – поскорее сдать хозяйственные дела другому врачу, а самой заняться на новом месте своей профессией. А вместо этого – вновь главврач по поликлинике.

- Конечно, вела прием больных – выбирала время. Не забывала ни на один день, что я врач, мои знания и опыт нужны людям, – вспоминает Нина Меркурьевна. - Но полностью отдалась профессии глазника не могла – все-таки лежали на мне немалые административные и хозяйственные обязанности. Их тоже приходилось выполнять. А Ирина Васильевна Соловьева нет-нет да и подтолкнет меня – то на операции поассистируй, то сама попытайся сделать легкую операцию. Втягивала меня в свою работу. Ирина Васильевна сейчас в годах, на пенсии, но продолжает вести прием и лечение больных. Она – мой наставник и первый учитель, ей я очень многим обязана.

А через некоторое время вот такое признание:

- Знаете, вроде бы уже немолодая, а вот все хочется учиться, знать больше и больше! Конечно, приходится много читать, следить за медицинской

литературой. Многое дают поездки на семинары, конференции, на курсы по усовершенствованию. Медицинская наука очень быстро развивается. Из каждой такой поездки привозишь что-то новое. Обязательно новое! Это как правило. И это интересно. Оно, знаете ли, заряд какой-то в тебя закладывает, прибавляет сил, желания работать. После каждой такой поездки провожу совещания с коллегами по профессии, делюсь с ними полученными знаниями, учу. А большую часть курса науки я прохожу у своих больных. Общение с ними, практика обогащают меня.

Я смотрю в ее оживленное лицо и все больше проникаюсь уважением к ее ненасытной тяге познания, самоотверженности в работе, в завидной влюбленности в избранную профессию и приверженности к ней.

В жизни не так все просто, как думается. Было у Нины Меркурьевны рабочее место и 25 коек для больных глазами в заводском стационаре. 25 – не так уж много, если учесть, что Нина Меркурьевна единственная врач-окулист на город и район, которая, к тому же, еще и счастливо совмещает в себе хирурга. Года два назад руководители АМЗ решили закрыть глазное отделение, поскольку оно «не ихнее», а городское. Больные забеспокоились, в разные инстанции пошли гневные письма, в том числе и в «Алапаевскую искру». Пришлось вмешаться исполкому горсовета.

- Теперь вновь трудность, я уже не беру во внимание тех больных, которые теряют зрение на один глаз, хотя и они, как вы сами понимаете, нуждаются во врачебной помощи. Направляю на койку только тех, кто не видит на оба глаза. Вот таких, каких вы встретили в коридоре. А что делать? Но у врача не только трудности с коечными местами. Недостает нужного инструмента. Где его взять?

Промышленностью не выпускается. А если и выпускается, то ограниченным количеством. Из каждой поездки старается что-то привезти. Платить приходится из собственного кармана. И на это идет, лишь бы заполучить нужную новинку.

Есть у Нины Меркурьевны и местный умелец – самоучка, выполняющий ее заказы. Это бывший слесарь прокатного цеха АМЗ, теперь на пенсии, Василий Германович Кайгородов. Смастерит такую иглу, что ее и простым глазом не сразу увидишь, а ушко не разглядеть и подавно – только под увеличением. Алапаевский «левша» и не это, оказывается, еще смог. Достаточно было Нине Меркурьевне показать ему чертеж аппарата, с помощью которого можно «заморозить» глаз, как такой уникальный аппарат теперь у нее имеется, и она его с успехом использует при сложных операциях.

- Категория моих больных, знаете, своеобразная. Люди это в большин-

стве пожилого возраста или старые – обычно зрение начинает теряться с возрастом. Обхождение с ними нужно особое. Но я, кажется, лажу с ними.

- И еще: наверное, я очень счастливая или удачливая. Сколько ни сделала операций, но не помню ни одного случая, чтобы после операции случилось осложнение или еще что-нибудь непредвиденное. Все мои операции прошли удачно.

Потом еще скажет, что сам процесс операций, ее методика постоянно совершенствуются. И приведет такой пример. Еще не так давно больной после операции на глазу должен был трое суток лежать на спине без движения. Это мучительно для человека. Сейчас же больному разрешено двигаться уже на другой день...

- Если пробуду в отпуске, то сама замечаю, что руки не так уверенно действуют. Отвыкнул за месяц от работы. Когда регулярно оперирую, то рук своих не замечаю.

А делать операции Нине Меркурьевне приходится тончайшие, редкостные, после которых люди вдруг видят снова и свет, и солнце, и траву, и лица. Это удивительно не только для них, возвращенных из темноты, но и для тех, кто слышит об изумительном искусстве врача. Слава о Нине Меркурьевне идет широкая. Хорошая слава и заслуженная.

Всей своей жизнью Нина Меркурьевна Абрамова как бы говорит нам: «Живите и вы для людей, и вы тоже будете счастливы и горды этим, и к вам тоже придут слава и признание благодарных вам людей. Добрые дела долговечны в памяти».

А. Волков